

ВОСПОМИНАНИЕ 4

Армия – Словеска

Ввод:

Все чаще стали возникать размолвки между мной и Сережей Городецким. Все чаще я стал слышать критику в сторону акмеизма. Причем не только от глупых символистов или задравших нос критиков, но в том числе и от членов «Цеха поэтов». Они говорили, что есть «символисты», а есть «Николай Гумилев», «Анна Ахматова», «Осип Мандельштам», которые по какой-то причине видят в своих стихах что-то общее. Мне не хотелось брать все это в голову, я готов был продолжать работать, но все шло к тому, чтобы Цех поэтов распался. Это и случилось. С Аней наши отношения ухудшились после моего возвращения из Африки. Не могу сказать с чем это связано, хотя не буду врать, ни с ней, ни с нашим сыном я должного времени не провожу. Напротив, я хочу вечерами отдыхать в кафе и рестораны, особо ничем себя не занимаю...

Пролетела стрела

Пролетела стрела
Голубого Эроса,
И любовь умерла,
И настала дремота. В сердце легкая дрожь
Золотого похмелья,
Золотого, как рожь,
Как ее ожерелье. Снова лес и поля
Мне открылись как в детстве,
И запутался я
В этом милом наследстве. Легкий шорох шагов,
И на белой тропинке
Грузных майских жуков
Изумрудные спинки. Но в душе у меня
Затаилась тревога.
Вот прольется, звеня,
Зов весеннего рога. Зорко смотрит Эрот,
Он не бросил колчана...
И пылающий рот
Багровеет как рана.

Детям закрывают глаза – начинается словеска

5-го июля 1914 года мы с Аней праздновали в Царском Селе пятилетний юбилей свадьбы, были свои и гости... Стол был красиво накрыт, все утопало в цветах. Посредине стола стояла большая хрустальная ваза с фруктами, которую держал одной рукой бронзовый амур. Под конец обеда без всякой видимой причины ваза упала с подставки (ЗВУК РАЗБИВАЮЩЕГОСЯ СТЕКЛА, РОНЯЕМ ФРУКТЫ ИМ НА РУКИ), разбилась, и фрукты рассыпались по столу. Все сразу смолкли. Все смотрели на меня, из них Колю я самый суеверный. Через 14 дней объявили войну.

Война

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали – как будто пеньё

Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благодный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Пришел почтальон, принес письмо, это от брата моего — Димы.

«Привет, Коля! Точнее пока. Я уйду на фронт, меня призвали из запаса в 146-й пехотный Царицынский полк.»

Кого призвали, кто добровольцем пошел — вся семья моя на войне. Что же я здесь сижу. Может тоже отправиться на войну? Что же делать?

а) Если решают отправиться на войну

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

б) Остается дома — очень стыдиться.

Я не понимаю почему, пока все воюют я сижу здесь. Я получил письмо, где сказано, что мой брат был контужен. Я не могу просто сидеть в стороне, я еду на войну.

2. Это какой-то ужас и беспредел. Как же меня раздражают эти «модные» стихотворцы, которые сидя на удобном кресле слагают стихи и войне и патриотизме. Может что-то с этим сделать?

а) Направить в Санкт-Петербург статью о том, как мало еды на фронте, и о том, что он тоже поэт, но это не мешает ему служить добровольно, призвать людей идти на фронт

б) Попытаться оставить эту ситуацию и заботиться лишь о боевых действиях

3. Я все чаще вспоминаю про Аню. Я безумно люблю ее и чувства во время войны вспыхнули вновь и стали сильнее. Написать ей письмо?

а) Дорогая моя Анечка, наконец могу написать тебе довольно связно. Сажу в польской избе перед столом на табурете, очень удобно и даже уютно. Вообще война мне очень напоминает мои абиссинские путешествия. Аналогия почти полная: недостаток экзотичности покрывается более сильными ощущениями. Грустно только, что здесь инициатива не в моих руках, а ты знаешь, как я привык к этому. Если бы только почаще бои, я был бы вполне удовлетворен судьбой. А впереди еще такой блистательный день, как день вступления в Берлин! В том, что он наступит, сомневаются, кажется, только «вольные», то есть, не военные. Сообщения главного штаба поражают своей сдержанностью и по ним трудно судить обо всех наших успехах. Австрийцев уже почти не считают за врагов, до такой степени они не воины, что касается германцев, то их кавалерия удирает перед нашей, наша артиллерия всегда заставляет замолчать их, наша пехота стреляет вдвое лучше

Мы, наверно, скоро опять попадем в бой, и в самый интересный, с кавалерией. Так что вы не тревожьтесь, не получая от меня некоторое время писем, убить меня не убьют (ты ведь знаешь, что поэты — пророки), а писать будет некогда

Твой всегда Коля

б) Письмо пишет Ахматова:

Милый Коля, сегодня уже неделя, как я в Слепневе. Становится скучно, погода испортилась, и я предчувствую раннюю осень. Целые дни лежу у себя на диване, изредка читаю, но чаще пишу стихи. Посылаю тебе одно сегодня, оно, кажется, имеет право существовать. Думаю, что нам будет очень трудно с деньгами осенью. У меня ничего нет, у тебя, наверно, тоже. С "Аполлона" получишь пустяки. А нам уже в августе будут нужны несколько сот рублей. Хорошо, если с "Четок" что-нибудь получим. Меня это все очень тревожит. Пожалуйста, не забудь, что заложены вещи. Если возможно, выкупи их и дай кому-нибудь спрятать.

Будет ли Чуковский читать свою статью об акмеизме как лекцию? Ведь он и это может. С добрым чувством жду июльскую "Русскую мысль". Вероятнее всего там свершит надо мною страшную казнь Valere {Брюсов}. Но думаю о горчайшем, уже перенесенном, и смиряюсь.

Пиши, Коля, и стихи присылай. Будь здоров, милый!

Целую!

Твоя Анна.

Левушка здоров и все умеет говорить.

3. На самом деле я был довольно успешен на фронте. Я отличился в разведке, получил Георгиевский крест, был произведен в унтер-офицеры. Мы наступали, выбивали немцев из деревень, ходили в разъезды, я тоже проделывал всё это, но как во сне, то дрожа в ознобе, то сгорая в жару. Наконец, после одной ночи, в течение которой я, не выходя из халупы, совершил по крайней мере двадцать обходов и пятнадцать побегов из плена, я решил умерить температуру. Термометр показал 38,7.

А) Не смотря на температуру, я отправился со всеми утром. Но вдруг мне стало плохо. В моих глазах потемнело. Кажется я упал в обморок.

Через время я просыпаюсь в поезде в Петроград, я буду там лечиться.

Б) Говорю, что мне плохо — меня отправляют в Петроград (Петербург) лечиться

4. В больнице мне быстро стало гораздо лучше и я стал думать вновь направиться на фронт. Я чувствовал там нужным. Отправляется. Началась масштабная атака противника. Была поставлена задача удерживать позиции до подхода пехоты

Имитация военных действий (звуки выстрелов, толкаются, прыскает вода)

5. Я получил 2-й Георгиевский крест и очень гордился... Аня постоянно жалуется, что я ей мало пишу. Нашему сыну, например, такое написала

Долетают редко вести
К нашему крыльцу.
Подарили белый крестик
Твоему отцу.

Я узнал, что Аня заболела туберкулезом... Навестить ее?

А) Несколько раз ее навещаю, часто пишу ей с фронта, что отразилось в стихотворении Ахматовой: «Как невеста, получаю / Каждый вечер по письму...» Однако лечение не помогает, болезнь прогрессирует.

Б) Не навещаю, пишу письма, ей хуже

Мне становится морально плохо, я переживаю Но вроде узнаю, что Ане становится лучше

6. Я решил направиться в русский экспедиционный корпус в Париж. Мне здесь нравится гораздо больше. Повстречал прекрасную девушку, позабыл Аню...
Может предложить все же ей перебраться ко мне?

А) Предлагаем, Дорогая Анечка, ты, конечно, сердисься, что я так долго не писал тебе, но я нарочно ждал, чтобы решилась моя судьба. <...> Через месяц, наверно, выяснится, насколько мое положение здесь прочно. Тогда можно будет подумать и о твоём приезде сюда, конечно, если ты сама его захочешь

Б) Не пишет.

Наши отношения совсем охладели. Думаю, дело идет к разводу

Аня написала стихотворение, в котором ясно все сказала

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда. <...>

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Вывод:

Во Франции я познакомился с замечательной девушкой. У нее были русские корни и мы сразу поладили. Ее простота. И естественность пленили меня. «Солнечным облаком рая ты в темное сердце вошла». Она была дочерью французского хирурга и в момент знакомства, я полностью утонул в ней. Чуть позже, когда я вспомнил

об Аничке было, вероятнее всего, уже поздно. Она отказалась переезжать ко мне. У нас у обоих было множество отношений вне... Это корбило меня, но ничего поделать ни с собой, ни с ней я не мог. В августе 1918 мы официально оформили развод.

Дом

Тот дом, где я играл ребенком,
Пожрал беспощадный огонь.

Я сел на корабль золоченый,
Чтоб горе мое позабыть.

На дивно-украшенной флейте
Играл я высокой луне.

Но облаком легким прикрылась
Луна, опечалена мной.

Тогда я к горе обернулся,
Но песни не шли мне на ум.

Казалось, все радости детства
Сгорели в погибшем дому.

И мне умереть захотелось,
И я склонился к воде.

Но женщина в лодке скользнула
Вторым отраженьем луны. —

И если она пожелает,
И если позволит луна,

Я дом себе новый построю
В неведомом сердце ее.